

Vol.

Даша
Охоцимская

На этой
планете
взрослых нет

УДК 82-312.6

ББК 84(2)6

О92

Охоцимская, Даша.

О92 На этой планете взрослых нет / Даша Охоцимская. —
М.: Individuum, Эксмо, 2026 — 256 с.

ISBN 978-5-04-240072-8

Конец 2010-х годов. Двадцатилетняя Саша переезжает из Москвы в Берлин без денег, знакомых и особых перспектив. Она полна стремления обрести свободу и себя в отрыве от привычной жизни и опеки семьи. Сашу ждут все прелести эмиграции: существование на птичьих правах, поиски работы и борьба с бюрократией, судьбоносные встречи, отчаянные романы и сомнения, не стоит ли вернуться обратно, — на фоне смены эпох и событий, до основания сотрясающих человеческую жизнь. Опорной конструкцией романа служит его вторая линия — история взаимоотношений героини с вечно исчезающим отцом. Дебютная книга Даши Охоцимской — искреннее, полное боли и любви размышление о том, что значит идти своей дорогой, и о том, какую высокую цену иногда приходится платить на этом пути.

УДК 82-312.6

ББК 84(2)6

© Даша Охоцимская, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Individuum®

© Максим Балабин,

фотография на обложке

ISBN 978-5-04-240072-8

Памяти моей бабули, Гали

Человек произносит: «Люблю!»
И на ощупь выходит из дому.

Дмитрий Веденяпин

Часть

первая

В первый раз это началось зимой, когда спустя много лет молчания отец вместо «привет» написал: «Свечку поставишь за меня? Я твоей матери говорил, чтобы на моих похоронах играл Led Zeppelin». Я позвонила маме и дрожащим голосом спросила, что ему сказать. На что она спокойно ответила: «А кто ему сказал, что мы будем его хоронить?»

Я представила себе, как отпрашиваюсь с работы по туманным семейным обстоятельствам, детали которых в европейском стартапе лучше не озвучивать. Мой начальник понимающе кивнет головой и скажет: «Конечно». Сутки я проведу в дороге из Берлина в Москву, чтобы найти его — где? Ни адреса, ни его новой фамилии, которую, кажется, он недавно менял в последнем браке, ни места работы я не знаю. Я даже не знаю, на каком кладбище лежат наши родственники. И с какой именно песни Led Zeppelin мне надо будет начать.

Я звонила отцу несколько раз, но вместо его голоса, который мог бы меня успокоить, слышала только длинные гудки. Спустя два дня он прислал фото спортив-

ного велосипеда: «Купил вчера. Когда приедешь, покатаемся?»

Ни слова о Led Zeppelin. Как будто бы мне это приснилось.

В середине рабочего дня я вышла из офиса до ближайшей аптеки. Последние пару недель были наполнены тошнотой, волнением и недосыпом, как будто в день перед экзаменом мне надо с утра съесть несколько холодных яиц, сваренных вкрутую. Согласно гороскопу, я знаю ответы на все вопросы. Согласно календарю, у меня задержка уже седьмой день. Районная терапевтка, слушая мои сбивчивые жалобы, задумчиво нахмурилась и велела провериться на ковид и на беременность.

Пока я бродила между стеллажами в поисках нужной полки, телефон завибрировал. Мне пришло голосовое сообщение от моего двоюродного брата Гриши.

«Саша, привет. Слушай, у меня плохие новости. Мне только что звонила моя мама, и она сказала, что... твой папа, он, кажется, умирает. Лежит в больнице, там все плохо. Может, тебе дать ее номер, чтобы ты могла с ним попрощаться?»

Я подняла глаза и взяла два теста.

«Давай, спасибо».

Пока касса самообслуживания печатала чек, я подумала, что мой отец заигрывал со смертью, как с очередной понравившейся женщиной. До этого он мог очаровать практически любую — от будущей жены до судьи на собственном разводе, от проводницы поезда до случайной соседки по столику в кафе. Жизнь без присутствия смерти казалась ему пресной. Он уходил в горы с минимумом снаряжения, катался по шоссе на велосипеде, ломая себе руки и ребра, запирался в квартире с бутылкой водки, зная, что какая-нибудь из очарован-

ных им женщин обязательно придет, чтобы в очередной раз его спасти.

Спустя несколько звонков оказалось, что отец не в районной больнице, а в частном подмосковном рехабе за высоким забором, где не работает двадцать седьмая статья Конституции. А еще — что он уже почти здоров, весел и просится на волю.

Тошнота отступила. Тесты на ковид и на беременность оказались отрицательными.

Я написала отцу: «Ты когда-нибудь был у деда на кладбище?»

Он долго печатал, но прислал только: «Никогда там не был, но примерно знаю». Телефон снова завибрировал. Я сняла трубку. Отец сказал, что не знает, почему за двадцать лет ни разу к нему не съездил. «Сначала в горах был, потом попал в аварию. Не пускает меня туда что-то, хотя они оба сняты мне, и отец, и мать».

«Давай съездим к нему и поговорим с ним. Думаю, что он нас услышит и простит».

* * *

В мае я прилетела в Москву и предложила отцу встретиться, но не чтобы покататься на велосипеде и даже не чтобы поесть мороженого в парке Горького, как в детстве. «Мы ему обещали, — написала я. — Ты ему обещал». Отец нехотя согласился на кладбище. Мы сели в поезд, вверх до конечной. По зеленой ветке ходили только старые, самые шумные поезда, и мы, перекрикивая грохот, выясняли, чем каждый из нас занимается и чем живет.

Вслушиваясь в обрывки слов, я посмотрела на его жилистые, темные от солнца руки, свободные от обяза-

тельств, и вспомнила, что ровно девять лет назад я ждала отца у станции метро «Третьяковская».

Тогда отец тоже выглядел веселым, много курил, приехал на велосипеде. Почти сразу он объявил, что на прошлой неделе снова был в загсе, потряс правой ладонью с широким серебряным кольцом на безымянном. «Это в пятый или в шестой? — поинтересовалась я. — Со счёту сбилась уже». Ее звали Полина. И, кажется, это все-таки была пятая папина жена.

«Я послезавтра уезжаю».

«Куда?»

«В Малайзию», — сказал он и посмотрел на меня как будто в ожидании реакции.

Я опустила взгляд. «Когда теперь увидимся?»

«Не знаю... Может быть, никогда».

Это «никогда» вспыхнуло во мне, как будто он сказал, что кто-то умер. Вот он сидит передо мной, трясет короткими, слегка кудрявыми волосами, выглядит спокойным, почти счастливым. И говорит, что, возможно, мы увидимся в последний раз.

Глядя на асфальт, я представила себе игровой автомат, показывающий правильные слова в такой ситуации, и дернула за рукоятку.

«Какого черта, папа?»

Нет, не то.

«Я люблю тебя?»

Да, но не сейчас.

«Зачем тебе уезжать?» — сказала я вслух.

«Понимаешь ли, детка, — так отец говорил мне, только когда вставал на место человека, знающего, как лучше, — ну не могу я здесь. Не мое это все, хоть и я люблю». Он указал подбородком на площадь и станцию метро. «Скучно мне... А там яхту купим, уже выбрали».

Я молчала.

«Свободы хочу».

Он торопился и старался незаметно поглядывать на часы, но и мне тоже было пора идти. Мы обнялись на прощание. Я села в машину к другу, выкрутила радио погромче и только тогда заплакала. Бабушка в этот день отмечала юбилей, мне предстояло ехать за цветами, идти за вином, резать салаты. В голове звенело — никогда. Никогда. Ни-ког-да. Как это вообще возможно?

Дома, уже в середине застолья, я шепнула маме, что отец уезжает. «Ну и пусть едет», — сказала мама, слегка качнув головой в сторону.

«Но он сказал, что мы, возможно, никогда не увидимся», — я заплетала бахрому скатерти в косички.

«Да он всегда так говорил, — ответила мама. — И ничего. Возвращался».

«Ваш паспорт, пожалуйста, и чемодан на ленту». На красном табло высветилось «26.4». Чтобы не платить за перевес, я поддержала чемодан коленкой — вышло дрожащих двадцать три. Девушка за стойкой посмотрела на меня, хмыкнула и наклеила бирку на ручку.

«Выход 17А. Приятного полета».

Через три часа двадцать минут я окажусь в берлинском аэропорту Тегель и начну жизнь в городе, где даже ни разу не бывала. Когда-то я собиралась поехать туда автостопом, пока жила год по обмену в Нидерландах, но не успела. Месяц назад я подписала контракт на практику в кинокомпании и получила рабочую визу на полгода.

Самолет кряхтел и гудел, щелкали ремни безопасности, пассажиры занимали места. Я прижалась лбом к пластику иллюминатора. Это уже третий раз, когда я переезжаю в новую страну и начинаю все сначала. И почему-то в этот раз уже не так страшно.

***

Уезжать мне не хотелось. В Москве, где я толком после школы никогда и не жила, я оставляла лучшее лето в моей

жизни — первую настоящую влюбленность длиной в пять недель, три работы, ощущение легкости, свободы и разрешенной глупости.

На первую работу я вставала к пяти утра — сортировала вещи в подсобке магазина, наклеивала цены, общалась с угрюмыми коллегами. К трем часам моя смена заканчивалась. Я шла в частный университет, где получила место дежурного секретаря, и бессовестно засыпала у всех на виду. Меня пересадили вглубь офиса и дали стол с видом на электрички Курского направления. От меня ждали заполненных отчетов и ведомостей, но вместо этого я смотрела на проезжающие поезда и в полусне представляла, как еду на дачу, ем черешню и качаюсь в гамаке. Электрички уезжали без меня. Я утонула в офисном кресле.

Вечером я гуляла по июньской Москве, и времени на сон уже не оставалось. Город нагревался до +35, ночью спасала прохлада. Я возвращалась в торговый зал, где не работали кондиционеры. Уговорить себя проснуться в пять утра, чтобы пойти сортировать вещи за 152 рубля в час, становилось все сложнее. Из-за жары сотрудники магазина начали увольняться. Я понимала их, один час лета стоит намного дороже 152 рублей. Работать стало некому, меня поставили на кассу. Как в тумане я пробила последние вещи с несуществующей скидкой и уволилась сама.

Родители молча уехали на дачу. Я купила черешни, пошла в университет, открыла Excel и задремала.

Мне предложили работать по субботам. Я бродила по пустым аудиториям, как кот, загорала, лежа на столе, читала книжки и гуляла по Берлину на Google Street View, чтобы чуть-чуть привыкнуть к городу, который вот-вот станет моим новым домом. Но самое главное — у меня появилось чувство, что у меня есть первая, настоящая работа и за нее платят настоящие деньги.

Получив первую зарплату, я купила в студенческом кафе кофе и морковный торт. «Гамак — это, конечно, хорошо, — подумала я, — но морковный пирог на первую зарплату намного круче». Я отламывала по пористому сладкому кусочку с кремом и понимала, что теперь я вроде как взрослая. Вчера я ела гречку с тунцом, а сегодня у меня есть деньги, и вот они пахнут сладким кремом, бисквитом и грецким орехом.

Тем летом мама еще заставляла меня приходиться домой к десяти. Я протестовала — до этого уже три года жила отдельно, в Финляндии и Голландии, но мама отказывалась идти на компромисс. По пятницам родители уезжали на дачу, и я, сидя в кроссовках, ждала их позднего звонка, уверяла, что ложусь спать, а сама бежала на последний поезд метро, чтобы гулять до утра. Деньги пахли кремом, свобода — горячим асфальтом, маминым парфюмом и липой.

Моей третьей работой стал «Циферблат», антикафе, где я научилась делать неплохой кофе и разговорить любого. Нам платили сто рублей в час, но важнее были не деньги, а возможность находиться с такими же юными и глупыми, как я.

Мы катались на мопедах, пели под проливным дождем на концертах. Все очень разные — кто-то бросил институт на последнем курсе, кто-то жил в «Циферблате», поругавшись с родителями, кто-то принес блохастого котенка, мы назвали его Захаром и поселили дома у мамы нашего друга. Мы писали тексты, кормили собой муравьев на бульварных газонах, влюблялись друг в друга на день, танцевали — счастливые, потные, под стробоскопом в «Кризисе Жанра», пили вино из чайника и закусывали копеечными чебуреками. Про дачу и гамак я больше не вспоминала. Мы

и так находились в подвешенном состоянии, нас качало из стороны в сторону. Нам все было одинаково — и по плечу, и по колено.

***

За пять недель до моего самолета в Берлин я пошла на концерт в парк «Музеон», и там со мной случилось то, что обычно случается по закону подлости. Я познакомилась с другом моих друзей и поняла, что домой сегодня не приду. Мы поговорили до утра и разошлись с обещанием встретиться.

На следующий день я уезжала в Петербург. Друзья, у которых я спала на диване, одели меня по погоде, выдали мужские ботинки сорок второго размера, приготовили на вечер рижский бальзам и отправили гулять.

В Петербурге выспаться не удалось. Я гуляла двое суток подряд: каталась на «шестерке» Жигулей, и в салоне, и в багажнике, танцевала босиком у Инженерного замка, встречала рассвет на крыше многоэтажки у залива. Утром я пошла топтать паркет в Эрмитаж. Ноги отказывались ходить. Окситоцин заливал глаза.

В полном забвении я вернулась обратно в Москву. Боковушка плацкарта укачивала меня, как колыбель. Мне казалось, что я одновременно смотрю кино и читаю книжку про кого-то очень похожего на меня. Это лето не кончалось, хотя должно было бы.

Если в начале лета меня пьянила свобода, а в Петербурге рижский бальзам, то теперь я еще и влюбилась. Я перестала приходить домой в десять и объяснять родителям, что происходит. Заявилась в полночь с подсолнухом и дорожным знаком «Объезд слева» под мышкой. Мама отчитала меня за нарушение комендантского часа, отчим пробурчал что-то про административный кодекс. Я не слушала их — нет ника-

ких запретов, тем более родительских, особенно когда через пару недель все и так закончится.

Это лето дало мне все то, чего у меня не было последние три года, — я говорила, влюблялась и пела на своем языке, я вырвалась из маленького европейского города, где все затихает в девять, я чувствовала себя настоящей и молодой. Я любила места, где я училась, но в Москве со мной случилась настоящая жизнь, пусть даже на пару месяцев. И мне ужасно не хотелось уезжать.

На визу в Германию я фотографировалась с траурным лицом, я хоронила это лето. Я призналась мальчику, что я в него влюбилась, а еще что через неделю я буду жить в Берлине и не знаю, останусь ли там. Я впервые призналась в любви, и это оказалось взаимно. Мы договорились, что никто никому ничего не должен. Конечно, мы все уже влюблялись за это лето, но в этот раз как будто по-настоящему.

Самолет вез меня в неизвестность — я летела в город, где знала только двух человек: своего начальника и приятеля Женю, обещавшего приютить меня на ночь. Если бы на паспортном контроле меня спросили: «Цель поездки?», я бы ответила, что еду за собой. Ни мама, ни бабушка толком не доверяли мне, ограждали от поздних вечеринок, создавали правила, которые нельзя нарушать, давали советы, подкармливали. После детства в Москве и трех лет в небольших университетских городках, где из развлечений только тихие пьянки, учебные проекты и спортивные эстафеты, я соглашалась на Берлин с восторгом и неуверенностью, потому что там меня точно ждут соблазны, безденежье и, скорее всего, одиночество. Мой отъезд казался мне авантюрой, на которую легко можно согласиться только в двадцать один год.

Провожая меня в аэропорт, мама сохраняла привычное хладнокровие, как будто ей все равно, коротко прижала к себе на прощание, мол, иди, что стоишь, а бабушка сжима-